

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 1-го Июня 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9400

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ.

Весна.

Онъ встрытиль любимую дѣвушку въ весенній солнечный день.

Она стояла на ступенькахъ парадного крыльца, ожидая мать, чтобы поѣхать кататься. Дѣвушка была прекрасная, стройная, какая-то чудесная, вся манящая, какъ улыбка. На золотыхъ волосахъ шляпка съ черными страусовыми перьями, которые качались надъ ея розовыми ушками отъ легкаго вѣтра. Черная кофточка съ короткими рукавами, черные перчатки. Су-конная англійская юбка слегка развѣвалась, показывая полоску другой, желтой, и маленькия ноги.

Свѣтлые глаза, улыбка, золотые волосы и даже страусовые перья, перчатки и все платье, какъ то странно сливались съ теплѣющимъ воздухомъ, съ солнечными бликами на дымящейся землѣ, съ по-зеленѣвшими вѣточками деревьевъ. И эти глаза, улыбку и ею стройную фигурку нельзя было отдать отъ солнца, отъ голубого неба, отъ ласковаго вѣтра. Дѣвушка сразу очаровала. Но она была безмолвной и неподвижной—солнце дало ея ласку, небо ея улыбку, вѣтеръ прошепталъ ея слова.

И всю длинную весну юноша ходилъ зачарованный, точно выпилъ густого вина изъ золотого кубка. И когда дома оставался одинъ, то не видѣлъ ни стѣнъ, ни мебели, ни бѣлой березки у окна, а только ее, стройную дѣвушку, пронизанную весеннимъ солнцемъ. Онъ открывалъ книгу, но тамъ была ея улыбка и только; онъ выходилъ на улицу, но тамъ не было людей, а была ея улыбка и только.

И вечерами, въ лицо благословенной тишины, юноша шепталъ:

— Я люблю ее всю, такую хрупкую и прекрасную, какъ драгоценность. Ея глаза, сияющіе, какъ небо, ея губы, алые, какъ макъ, ея волосы, подобные золотому ручейку. Люблю ея улыбку, розовые ушки, стройную фигурку и маленькия ручки съ тоненькими пальчиками.. съ тоненькими пальчиками. Какъ должно быть душистъ поцѣлуй ея губъ! Какъ прелестна ласка ея словъ!

Въ саду былъ праздникъ цвѣтовъ, устроенный местнымъ богатымъ купцомъ, который, кроме торговли, занимался еще и благотворительностью.

Всюду между деревьями мелькали разноцѣтные фонарики—внизу и наверху, вдоль шумливыхъ аллей и вокругъ бесѣдокъ. А въ центрѣ сада, на асфальтовой площадкѣ плясали юноши и дѣвушки. Площадка была не совсѣмъ удобной для этой этой цѣли, а музыка была достаточно груба—оркестръ железнодорожныхъ служащихъ. Но все-таки ни въ одной пышной залѣ никогда не было такихъ веселыхъ танцевъ. Развѣвались бѣленькия весеннія платья, и шлейфы, какъ змѣи, ускользали среди танцующихъ. Перевитыя линіи фигуръ, качаясь, носились по асфальтовой площадкѣ, и весело приступали каблучки. Лица разрумянились, глаза блестѣли, съ бойкихъ губъ срывались отрывистыя замѣчанія, нѣжный шепотъ и беззаботный смѣхъ. А по бокамъ

А. И. Щербаковъ.

Профессоръ новороссийского университета. Новый попечитель одесского учебного округа.

С. И. Шидловскій.

Членъ Государственной Думы отъ Воронежской губерніи, докладчикъ земельной комиссии.

площадки стояли пожилыя дамы въ серье-ныхъ, темныхъ платьяхъ, мужчины съ дѣловыми физиономіями и смотрѣли, какъ веселится молодежь.

Во время этихъ танцевъ юноша познакомился съ любимой дѣвушкой. Фамилии онъ не услышалъ отъ вполненія. Запомнилъ только, что зовутъ ее Наташой и, сконфуженный, смущенный, называлъ себѧ: Петъ Киленцовъ.

Протанцовали милый шотишъ, быстро несясь впередъ, а потомъ мелодичный и задорный паде-патинеръ—лавали справа налево. Но вотъ замедлился темпъ музыки, оборвала скрипка, взвыла виолончель и оркестръ умолкъ.

Богатый купецъ пригласилъ музыкантовъ,—всегда находящихся въ состояніи большого аппетита,—въ буфетъ. Здѣсь онъ угощалъ ихъ водкой и, выставивъ впередъ свой толстый, благословенный богами животъ и опоясанный золотой цѣпью, командовалъ буфетчику: «Наливайте по второй... ну, по третьей... Повторить!» Слизошелъ купецъ до того, что самъ выпилъ съ музыкантами нѣсколько рюмокъ зубровки—хотѣлъ подкрепиться. Онъ очень усталъ, и потъ крупными каплями катился по его красному лицу и красной паралитической шеѣ. А Петъ съ Натой бродили по шумливымъ аллеямъ и говорили... говорили о философіи Ницше. Но голосъ, движенія и быстрые взгляды свидѣтельствовали о какихъ-то другихъ словахъ.

Простились около двѣнадцати. Робко и неувѣренно пожали другъ другу руки. Мама Наты немного презрительно взглянула на новаго ея знакомаго, на его длинные волосы и гимназическую форму.

А ночью не спалось. Петъ мечталъ о прекрасныхъ глазахъ и улыбкѣ. Ему казалось, что наступилъ великий моментъ жизни.

Ната, причесывая на ночь волосы, кокетничала у зеркала и была рада, что пріобрѣла во время танцевъ пять новыхъ знакомыхъ. Въ общемъ, она была разсудительна не меньше ея мамы.

— Онъ красивый,—думала она.

Лѣто.

Два раза катались на лодкѣ. Иногда останавливались подъ склоненными ивами. Петя чистилъ апельсины, старательно, точно священнодѣйствовалъ, и передавалъ свѣжие ломтики Натѣ. Она ёла и смеялась, какъ всегда. Ей нравилось его безконечное вниманіе, его робкая, тихая любовь. Но затаенные мысли шли мимо него, дальше, дальше, къ чему-то болѣе широкому и свободному.

Опускала бѣленькую ручку и хлопала въ водѣ, а потомъ отрясала свѣтлые капли на Петра и заливалась смѣхомъ. Мучительно тяжелой была для него ея покойная веселость. Вѣль, почти такая же она была и съ другими—не выдѣляла его.

Но среди смѣха онъ цѣловалъ ее, и она позволяла ему. Только не было въ этомъ какой-то теплоты и искренности съ ея стороны.

— Слишкомъ кокетлива она—думалъ Петъ.

Ната же начинала уже думать о другомъ

Осень.

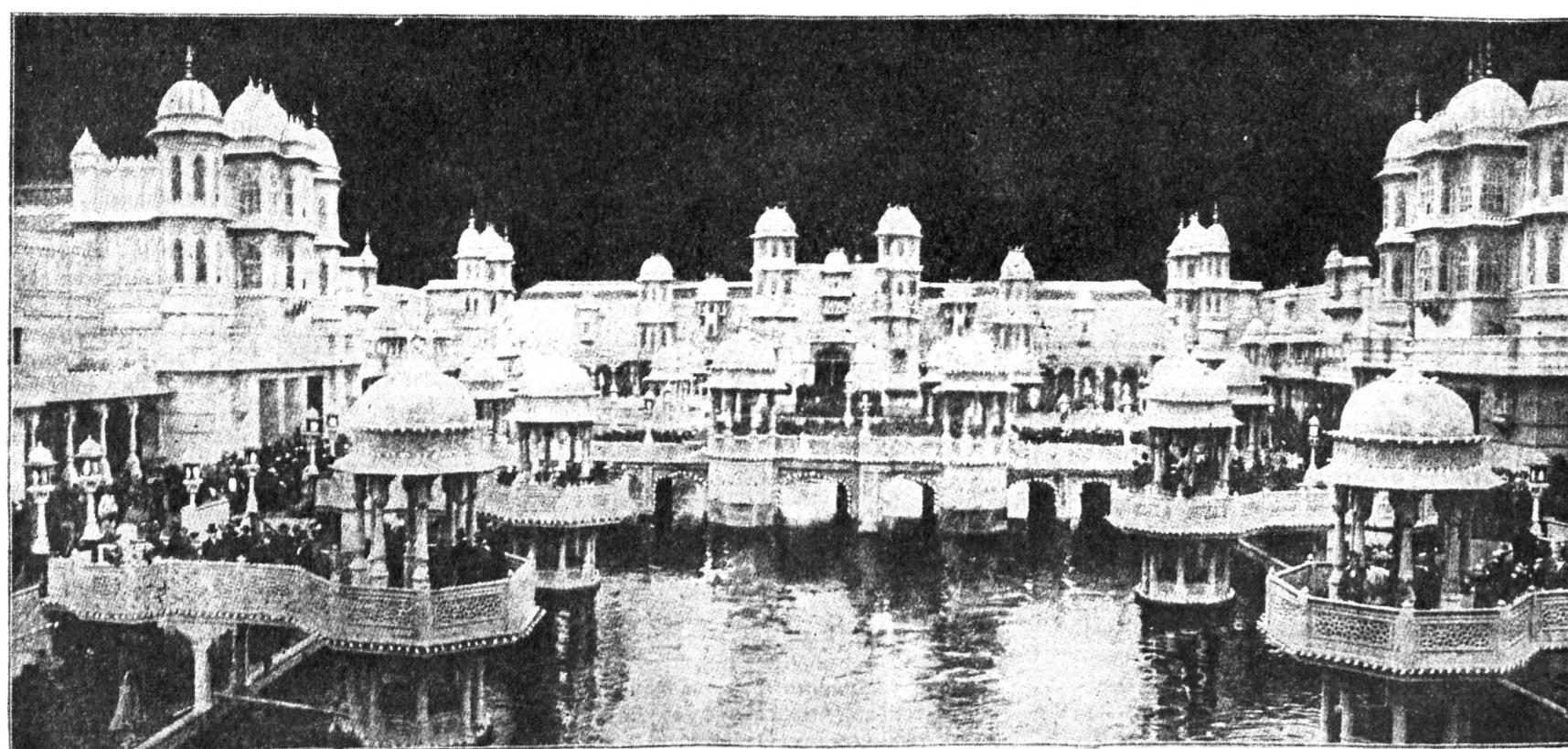
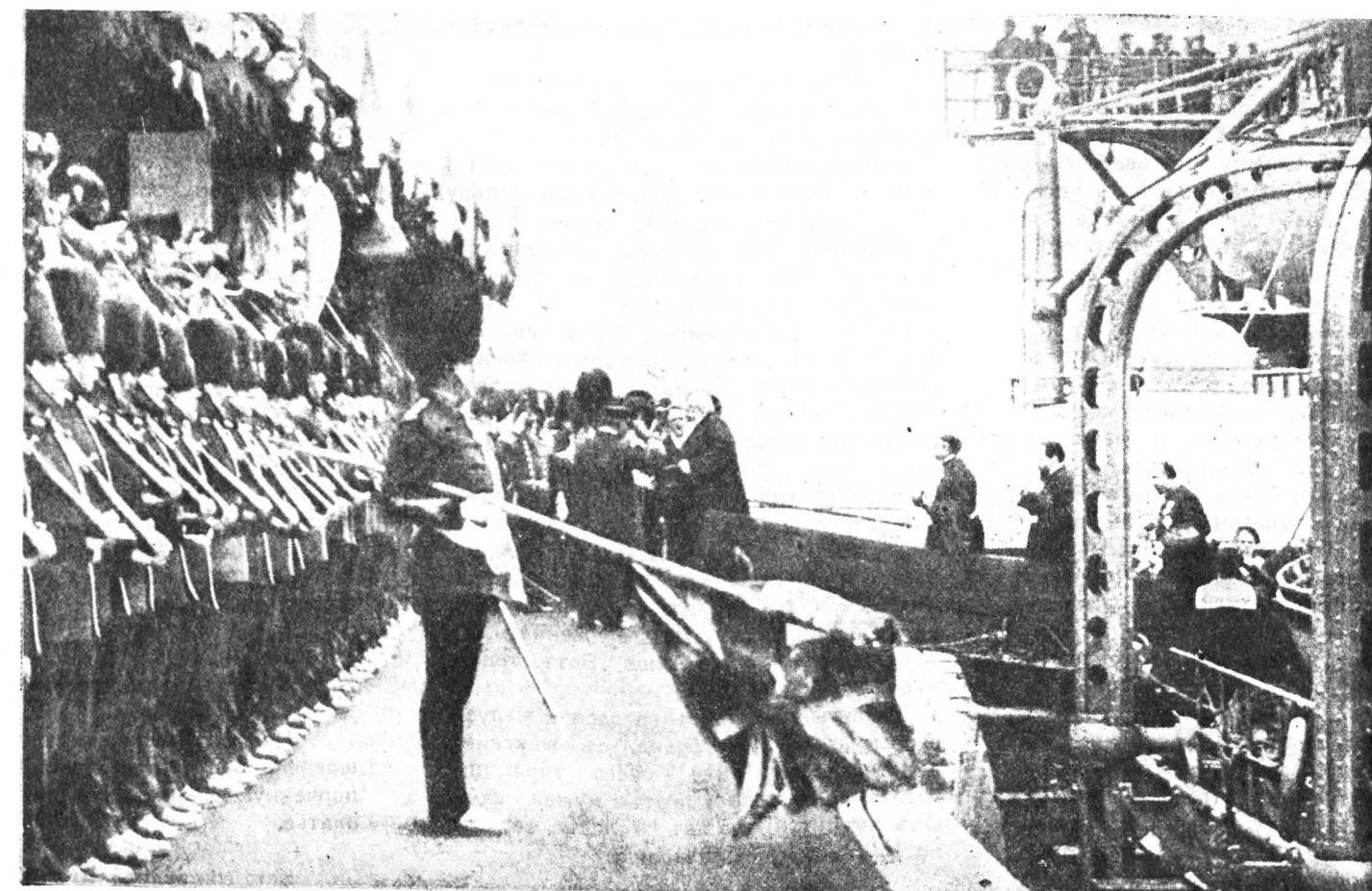
Почти не видѣлись. Встрѣчались иногда въ саду, и тогда Ната бросала на него насмѣшливые взгляды. Казалось, она понимала его боль, но не хотѣла больше его и ее радовало только сознаніе, что ее любятъ.

Въ маленькой книжечкѣ съ золотымъ обрѣзомъ его имя—стояло среди пяти другихъ имёнъ. Но мысли ея шли дальше и дальше, были онѣ честолюбивы и гордыя. Поэтому мама теперь особенно ласкова была съ своей дочерью.

— Ната, жизнь,—любила говорить она, — вѣсы. Если хочешь достигнуть равно-

Переселенцы в Челябинске.

Англо-французская выставка в Лондоне.
Вид на центральную площадь вечером.Встреча президента французской республики в Дувре,
при прибытии его на англо-французскую выставку.

всія, то на одну из чашек нужно насыпать много золота, а на другую сесть самой.

— Во мнѣ три съ половиною пуда, мамочка, хождала Ната.

— Значить, три съ половиной пуда золота, — улыблась мама.

Французские романы больше не занимали Нату, и стихи весенние она тоже забросила. Вечерами думала о прекрасном дворце, в котором она будет царить.

Декадентская мебель съ позолотой. Картины цвета болотной воды. Ковры нежные и ласковые, в которых тонут ноги. Много, много дорогих платьев и драгоценных украшений, которых все завидуют.

И, причесываясь на ночь, Ната кокетничала у зеркала и думала:

— Пусть приходит онъ скорѣй, мой господинъ, красивый или безобразный, но только властный, и введет меня въ роскошный дворецъ. Наша жизнь — это всѣ.

А въ книжечкѣ красавицы, среди другихъ пяти имёнъ, было короткое имя одного юноши. Его дворецъ былъ такъ прекрасенъ, но кладовыя этого дворца ничего не заключали въ себѣ, кроме трогательной любви и лучезарныхъ грезъ.

Почти не видѣлись.

Зима.

Объ этомъ много говорили въ городѣ. Конечно, завидовали. Тридцать три аристократическихъ барышни кусали отъ досады шестьдесят шесть аристократическихъ ручекъ...

Въездъ въ ирландскую деревню.
На англо-французской выставкѣ въ Лондонѣ.

А послѣ занятія у зеркала, садилась къ маленькому письменному столику краснаго дерева и писала прыгающими строками маленькие проспекты для жениха: обюсонъ въ будаурѣ, венеціанско зеркало въ рѣзной деревянной рамѣ, медвѣжья шкура и т. д., и т. д.

Встрѣтились случайно въ театрѣ. Она прошла, не замѣтивъ юноши. Величественная въ своемъ шумящемъ платьѣ, обильно политая духами. Шестидесять шесть завистливыхъ аристократическихъ глазокъ смотрѣли на нее съ завистью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ собачьей покорностью.

Обвела всѣхъ медленнымъ, равнодушнымъ взглядомъ и вошла въ ложу.

А Петръ продолжалъ стоять въ углу, рядомъ съ капельдинеромъ, и до боли сжалъ руки. Потомъ вылетѣлъ изъ театра, не захлопнувъ даже зѣбаго студенческаго пальто и, краснѣя отъ холода и стыда, съ ужасомъ думалъ, что ея губы сравнивали съ алыми маками, а волосы уподоблялись золотымъ ручейкамъ.

Когда въ театрѣ опустился занавѣсъ, шестидесять шесть глазъ завистливо обратились къ ложѣ, где сидѣла Ната, но никто не замѣтилъ, что ея волосы, завитые парикмахеромъ, такъ тусклы, а губы покрыты карминомъ.

Фениксъ.

А Й Ш е.

(Carte postale).

Солнце повсюду. Могучее, яркое солнце. Слѣпить глаза, властно обнимаетъ берегъ, цѣлуя серебристыя, блестящія волны. Море лѣниво нѣжится, усталое подъ знойными ласками. Одѣвается въ радужные, переливчатые тоны и въ упое-ніи бросается подъ корму парохода. И только однѣ чайки, бѣлыя, тоскующія чайки, одиноко ищутъ чего-то надъ водяной гладью.

Теперь нѣть никого на палубѣ, кроме меня, старого татарина-торговца и моло-дой дѣвушкѣ, вѣроятно, его дочери. Она ходитъ маленькими, граціозными шажка-ми, словно дразня кого-то, и сверкаетъ золотыми монетами на шапочки. У нея тонкое, красивое лицико, съ живыми и вмѣстѣ пугливыми глазами, яркій, полу-дѣтскій ротъ. То и дѣло перекидываетъ длины, изсиня-черныя косы и, облокотившись на спинку скамейки, мурлычетъ грустную пѣсенку. Тогда гортанные, ме-лодичные звуки сливаются съ говоромъ моря, и кажется, будто слушаетъ ее даже нѣмая и безстрастная ширь неба. Я любуюсь ею, со смѣшаннымъ чувствомъ удо-вольствія и боли, острѣе испытывая одиночество. Чудится мнѣ, что я уже видѣла гдѣ-то, когда-то эту гибкую, хрупкую фігурку, алу развѣвающуюся юбку, шапочку, золотыя монеты, и было тогда то-же солнце, море, зной и тоска. Внезапно рождается мысль, что я въ своей жизни дѣлала всегда не то, что нужно, упустила самое главное и теперь поздно жалѣть объ этомъ.

Спрашиваю осторожно у старика, какъ имя дѣвушки.

Татаринъ поднимаетъ на меня лѣни-вый, равнодушный взглядъ и отвѣчаетъ не скоро.

— „Айше“.

Дѣвушка слегка поворачиваетъ голову и смотритъ на насъ, разсѣянная, не-доумѣвающаяся, словно разбуженная. Потомъ снова тянетъ свою пѣсенку. Мнѣ чудится въ молодомъ, красивомъ тѣлѣ Айше цѣлая сказка женской души, не стѣсненной узкой рамкой городской жиз-ни и не отравленной излишнимъ анали-зомъ. Думаю, она поетъ свое первое „лю-блю“ въ безсознательномъ предчувствіи бу-дущаго горя, рабства, цѣпей, въ напрас-номъ ожиданіи чего-нибудь сильного, сво-бодного, смѣлаго, въ тоскливой безы-сходности женской доли, сотканной изъ страданія.

Айше на минуту смолкаетъ и возвращается къ старику. Я уже увѣрена, что это ея отецъ, по ласково довѣрчивому и немного шаловливому жесту, съ какимъ она проситъ у него лакомствъ. Потомъ ъѣсть финики и чистить апельсинъ, ко-сясь на меня плутоватымъ, совсѣмъ ре-бяческимъ взглядомъ и немногіо конфу-зясь. Съ безсознательнымъ, чисто жен-скимъ кокетствомъ Айше какъ будто хо-четъ спросить меня—не осуждаю ли я ее, и красива-ли она въ ту минуту.

И черезъ нѣсколько мгновеній снова грустить, заглядѣвшись на чаекъ...

Неожиданно стариkъ говоритъ мнѣ простымъ, спокойнымъ тономъ:

— Вредно такъ долго смотрѣть на волны. Голова быстро закружится... Зову въ каюту, а она не идетъ.

И киваетъ любовно на хрупкую фігурку, прильнувшую къ борту.

— Мать умерла у нея недавно... Тос-куется.

Отвѣчаю, смягчая улыбкой рѣзкость фразы.

— Дѣвушки народъ перемѣнчивый... Замужъ выйдетъ... забудеть. Она у тебя красавая дѣвушка, твоя Айше.

Усмѣхнувшись, она вытираетъ потный лобъ и отодвигаетъ соломенную шляпу.

— Айше не дочь мнѣ... жена.

Вѣроятно, ему все равно, слышитъ она его или нѣтъ, потому что онъ бросаетъ фразы, не понижая голоса.

— Ты не удивляйся... Я ее не сва-талъ... Сама захотѣла. Я быль сосѣдомъ... садъ съ садомъ... у нихъ винная торговля, и у меня... Слыши, Айше замужъ выдавать собрались... Завернуль я узнать, какъ, что... друзья, вѣдь... А она первая встрѣчаетъ меня у калитки, плачетъ... Люблю, говорить, другого... женись на мнѣ... отецъ за тебя выдастъ. Не то, все равно, жить не буду... Утоплюсь. Жалко мнѣ ее было. Совсѣмъ ребенокъ. Знаю ее не первый годъ. Ну, и женился. У меня дочери старше Айше. Вотъ, теперь и она дочь.

Старикъ переходитъ на себя и жалует-ся. Ему, вдовцу, трудно съ женскимъ царствомъ. Всѣ онѣ у него упрямицы, хотятъ воли и выбираютъ мужей сами. Онъ хмурился, но въ голосѣ звучѣла нотка гордости и удивленія.

Айше поетъ снова. Море убираетъ корму парохода въ кружево пѣны, вто-ритъ ей звучнымъ, смѣлымъ аккордомъ. Солнце улыбается знойной улыбкой и жарче цѣлуетъ волны.

Татаринъ задумчиво переводитъ мнѣ пѣсенку.

— Высоко, на скалахъ орель свилъ гнѣздо, далеко, въ горахъ живеть мой любимый. Я бы оставила мать и отца ради него, но дѣвушка не должна гово-рить о любви.

— Ярко въ синемъ небѣ горятъ звѣзды, и, какъ онѣ прекрасны глаза моего лю-бимаго. Я не увижу его больше, уходя съ другимъ, но сердце мое разбито на вѣки.

Старикъ смеется, качая головой, и даетъ въ награду Айше еще полную горсть финиковъ, а она, по-прежнему безъ улыбки, не сводить печального взора съ паруса.

Анна Марь.

Страница юмора.

(Подъ Кузьму Пруткова.)

Красота—понятіе относительное. И среди устрицъ есть свои Венеры и Апол-лоны.

Увидя во снѣ кредитора—смѣшно проснуться.

Въ лужу не садись, ежели есть стуль.

Мудрость змѣи въ томъ-то и за-ключается, что она дѣлаетъ свой жизнен-ный путь ползкомъ на брюхѣ.

Близняго люби, но остерегайся.

И среди блокъ встрѣчаются вели-каны.

Иныя руки и кандалы украшаютъ.

Чѣмъ скорѣе созрѣешь,—тѣмъ ско-рѣе сгнешь.

Ежели ты собака—лай.

Страсти въ своемъ сердцѣ держи подъ конвоемъ разума, ежели ты состо-ишь по тюремному вѣдомству.

Страдая клептоманіей, поступай въ интенданты.

И становые имѣютъ недостатки.

Находясь въ бреду, не говори лиш-няго.

У пролетаріевъ не бываетъ пода-гры.

Проходя мимо участка—не будь гордъ.

Не мни себя знаменитостью, коли ты извѣстенъ въ собственномъ домѣ.

Не наступай свѣтской дамѣ на шлейфъ: она скорѣе проститъ тебѣ ис-порченную жизнь, нежели испорченное платье.

Каждый исправникъ имѣетъ свою біографію.

Займи у близняго своего—и онъ станеть дальnimъ.

Посмертная слава еще никому не доставила удовольствія.

Мрачны мысли исходить изъ глу-бины желудка.

Прежде чѣмъ вѣшаться—испробуй веревку, дабы не ушибиться, коли она порвется.

Новости науки и искусства.

Новѣйшее чудо инженернаго иску-ства.

Таковыемъ признается недавно закон-ченная желѣзная дорога, проведенная че-резъ океанъ отъ южной оконечности Флориды къ острову Кей-Уэстъ. На про-тяженіи 30 килом. она проходитъ по бо-лотамъ, на южной оконечности полуост-рова покидаетъ континентъ, а затѣмъ на протяженіи 84 килом. пересѣкаетъ 42 коралловыхъ острова, проходя то по ост-ровнымъ участкамъ, то по мостамъ. Нѣ-которые изъ этихъ мостовъ, перебро-шенныхъ черезъ морскіе пропивы, отдѣ-ляющіе острова, представляютъ собою сооруженія колоссальныхъ размѣровъ; одинъ изъ нихъ состоитъ изъ 180 арокъ поднимается на 9 метровъ надъ уров-немъ моря. Достигнувъ Кей-Уэста, же-лѣзодорожный поѣздъ переводится на паровой паромъ, который и доставляетъ его въ Гаванну, отстоящую отъ этого острова на 144 килом. Такимъ образомъ, пассажиръ, занявший мѣсто въ пульма-новскомъ вагонѣ въ Нью-Йоркѣ, можетъ безъ всякой пересадки высадиться на Островѣ Кубѣ.